

S T U D I A P H I L O L O G I C A

— ЯКОБ ГРИММ —

ГЕРМАНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

— Том I —

Перевод
Д. С. Колчигина

Издательский Дом ЯСК
Москва 2018

УДК 82/820
ББК 82.3(3)
Г 84

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
проект № 18-112-00054, не подлежит продаже

Гримм Якоб

Г 84 Германская мифология. Т. I / Пер., коммент. Д. С. Колчигина. Под ред. Ф. Б. Успенского. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. — 928 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-6040760-5-7 (т. I)

ISBN 978-5-6040760-6-4

«Германская мифология» — фундаментальное исследование, посвященное историческому мировоззрению континентальных германцев и принадлежащее перу Якоба Гримма (1785—1863), одного из крупнейших языковедов XIX века, старшего из братьев Гримм. Книга оказала всестороннее влияние на целое поколение ученых и стала источником вдохновения филологов и этнографов по всему миру (в том числе и русских ученых). Вместе с «Германской мифологией» в фольклористике утвердилась новая методологическая школа, работающая с мифом как с живой частью языка, ядром непреходящей народной традиции. Во многих отношениях работа Гримма остается непревзойденным эталоном: в частности, это наиболее полный источниковедческий труд по данной теме.

В настоящем издании представлен первый перевод «Германской мифологии» на русский язык; перевод выполнен по наиболее полному, четвертому, изданию книги (завершено в 1878 году) без купюр и сокращений. В переводе разрешаются основные сложности, с которыми сталкивается современный читатель оригинала «Германской мифологии»; полностью переведены все содержащиеся в книге цитаты на разных языках, древних и новых, текст снабжен списком литературы и комментариями. Многоязычный цитируемый материал составляет не менее трети всей книги и не переводился ни у автора, ни в современных переизданиях. Что касается литературы, Гримм ссылается на сотни источников, среди которых много редких и малоизвестных; ссылки, однако, по традиции XIX века приводятся автором в сокращениях и в данном издании расшифрованы впервые. Таким образом, на русском языке выходит первое в истории академическое издание «Германской мифологии», включающее в себя весь необходимый справочный аппарат.

УДК 82/820
ББК 82.3(3)

ISBN 978-5-6040760-5-7

9 785604 076057 >

- © Д. С. Колчигин (перевод на русский язык, комментарии, научный аппарат), 2018
- © С. А. Ромашко (предисловие), 2018
- © Издательский Дом ЯСК, 2018

Содержание

С. А. Ромашко. Как мифология стала германской	7
Д. С. Колчигин. «Германская мифология» во времени и языке. Предисловие переводчика	24
Предисловие автора ко второму изданию	81
<i>Примечания к предисловию</i>	<i>121</i>
Глава I. Введение	128
<i>Примечания к главе I</i>	<i>140</i>
Глава II. Бог	149
<i>Примечания к главе II</i>	<i>166</i>
Глава III. Почитание богов	180
<i>Примечания к главе III</i>	<i>219</i>
Глава IV. Святилища	237
<i>Примечания к главе IV</i>	<i>263</i>
Глава V. Жрецы	270
<i>Примечания к главе V</i>	<i>282</i>
Глава VI. Боги	288
<i>Примечания к главе VI</i>	<i>322</i>
Глава VII. Вотан	330
<i>Примечания к главе VII</i>	<i>367</i>
Глава VIII. Донар	388
<i>Примечания к главе VIII</i>	<i>414</i>
Глава IX. Цию	426
<i>Примечания к главе IX</i>	<i>442</i>
Глава X. Фро	447
<i>Примечания к главе X</i>	<i>458</i>
Глава XI. Пальтар	462
<i>Примечания к главе XI</i>	<i>475</i>
Глава XII. Другие боги	479
<i>Примечания к главе XII</i>	<i>495</i>

Глава XIII. Богини	499
<i>Примечания к главе XIII</i>	571
Глава XIV. Свойства богов	585
<i>Примечания к главе XIV</i>	607
Глава XV. Герои	617
<i>Примечания к главе XV</i>	671
Глава XVI. Вещие жены	681
<i>Примечания к главе XVI</i>	724
Глава XVII. Вихты и эльфы	737
<i>Примечания к главе XVII</i>	817
Глава XVIII. Великаны	848
<i>Примечания к главе XVIII</i>	887
Глава XIX. Сотворение	899
<i>Примечания к главе XIX</i>	922

Как мифология стала германской

Середина пути

«Германская мифология» Якоба Гримма для большинства современных российских читателей — знакомый незнакомец. С детства им известны некие «братья Гримм», имена которых они даже толком не знают, а ведь именно один из них и написал эту книгу. Важнее то, что книга эта, как и ряд других сочинений Якоба Гримма, как и работы, которые братья создавали вместе, сыграла существенную роль в культурной истории Европы, и отзвуки этих исторических движений слышны и в наши дни.

Но давайте всё по порядку.

Оценить сделанное Якобом Гриммом можно лишь с учетом того исторического контекста, в котором он жил и действовал. Жизнь его пришлось на время серьезных общественных, политических и культурных сдвигов в жизни Германии и значительной части Европы в целом, начало которых отмечено Великой французской революцией и последовавшими за ней масштабными войнами, а конец — объединением Германии и созданием недолговечного второго рейха династии Гогенцоллернов. И дело не столько в том, что Якоб Гримм, жизнь которого полностью укладывается в рамки этого почти векового промежутка, оказался причастным рядом значимых событий, таких, как Венский конгресс 1814—1815 годов, либерально-демократические движения 30—40-х годов и неудавшаяся революция 1848—1849 годов. Гораздо важнее то, что в его деятельности отразились глубинные общественные трансформации, выражением которых стали те или иные исторические события, или, вернее, его деятельность, в сущности, и была частью этих трансформаций. Для многих это может показаться неочевидным, но это именно так.

Родился Якоб Гримм (Jacob Ludwig Carl Grimm) в 1785 году в Ханау недалеко от Франкфурта-на-Майне в семье чиновника. Гессенские земли были его родным краем, взросление Якоба, как и родившегося годом позже брата Вильгельма, связано с городом Касселем, находящемся в самом центре Германии. В этом городе братья провели значительную часть жизни, именно там находится сегодня их дом-музей.

В 1802 году Якоб приступает к занятиям в университете Марбурга. Это было еще во многом старое, традиционное учебное заведение, а реформа образования, которая привела к возникновению университета новой формации, только назревала. Ни германской филологии, ни филологического факультета

еще не существовало, так что Якоб с учетом жизненных обстоятельств (семейная традиция, да и в практическом смысле понятный по тем временам выбор, открывавший путь к административной карьере) поступает на юридический факультет, как и присоединившийся к нему на следующий год Вильгельм. Однако братьям повезло: их академическим наставником стал Фридрих Карл фон Савиньи (Friedrich Carl von Savigny, 1779—1861), правовед и политический деятель, человек незаурядный и во многом опережавший свое время. Его работы по истории права уже тогда предвосхищали характерное для гуманитарной науки XIX века понимание существования общества как исторического процесса. Именно этот подход подхватили у своего преподавателя братья, как и вообще дух нарождавшейся новой, недогматической гуманитарной науки. Хотя вскоре Якоб сообщил Савиньи, что не будет более заниматься правом, однако история его определенно волновала, правда, как он пояснял, прежде всего история языка и литературы. Из-за небольшой разницы в возрасте Савиньи в какой-то мере был и старшим товарищем братьев. И благодаря ему они познакомилась с полными разнообразных замыслов романтиками Ахимом фон Арнимом (Carl Joachim Friedrich Ludwig von Arnim, 1781—1831) и Клеменсом Brentано (Clemens Wenzeslaus Brentano, 1778—1842).

Арним и Brentано были в это время поглощены работой над сборником немецких народных песен «Волшебный рог мальчика» (Des Knaben Wunderhorn, 1806—1808), и братья Grimm принимают участие в подготовке издания. Метод Арнима и Brentано с самого начала вызывал возражения (да и между самими составителями возникали споры), а с точки зрения сложившейся позднее фольклористики признать его научным не представлялось возможным. Скорее это была своего рода поэтическая реконструкция, в которой составители не отделяли полученный ими материал (источники его далеко не всегда были надежными) от своего интуитивного представления о народном наследии. Да и задача перед изданием стояла не столько научная, сколько культурная и даже идеологическая.

Якоб Grimm к тому времени был уже знаком и с журналом братьев Шлегелей «Атеней», и со сборником лирики миннезингеров, изданным Людвигом Тиком¹. Но живое общение с романтической средой, несомненно, добавляло энергии его движению в избранном направлении. Затеявая издание сказок, Якоб расширял поле, по которому уже двигались его новые друзья. Значительную роль в подготовке сборника сыграл Вильгельм как человек более проникнутый литературой и искусством. Неслучайно в дальнейшем Якоб передал всю заботу о сказках младшему брату, пополнявшему собрание и готовившему последующие издания. Два тома «Детских и домашних сказок»², хотя и принесли братьям

¹ Minnelieder aus dem schwäbischen Zeitalter neu bearbeitet und herausgegeben von Ludewig Tieck. Berlin: In der Realschulbuchhandlung, 1803.

² Kinder- und Haus-Märchen. Gesammelt durch die Brüder Grimm. Berlin: In der Realschulbuchhandlung, 1812—1815.

широкую известность, однако претендующей на научность публикацией также не были. Во многом они еще следовали сборнику Арнима и Брентано, находясь на историческом распутье фольклористики и литературного творчества на фольклорной основе.

Однако уже в это время Якоб и Вильгельм пробуют свои силы на поле гуманитарного знания, прежде всего германистики. Свои исследовательские и издательские опыты они публикуют и в эфемерной периодике романтиков, и отдельными книгами, и даже, следуя примеру других, затеяли сами издавать журнал «Древнегерманские леса»³. Среди первых публикаций следует отметить изданный братьями в 1812 году фрагмент древневерхнегерманского эпоса, получившего наименование «Песнь о Хильдебранде». В 1816—1818 годах Якоб и Вильгельм издают двухтомник «Германские легенды»⁴, представляющий собой некоторый шаг вперед в отношении работы с устным преданием: в сборнике более четко обозначены жанровые границы, как и отношение к источникам.

Все эти первые опыты братьев Гримм приходятся на крайне беспокойные годы войн и политических катаклизмов. Обоим приходилось искать для себя в этой непростой ситуации возможность заработка, и здесь полезными оказывались и общая эрудиция, и юридические познания. Но вот завершились и войны, и дипломатическое оформление их результатов. В 1816 году братья вновь в Касселе, оба на должности библиотекаря. К тому времени это было обычное пристанище для ученого, если его занятия не входили в круг признанных университетских дисциплин. Жалованье было скромным, но и обязанности необременительными, а пребывание в библиотеке предоставляло возможности для исследовательской работы. Почти полтора десятилетия, проведенных тогда в Касселе, Якоб считал самыми спокойными и самыми плодотворными в своей жизни. Именно в это время создаются или начинаются фундаментальные работы, значимые не только в рамках биографии Якоба Гримма, но и немецкой науки в целом.

В 1819 году Якоб Гримм приступает к изданию «Германской грамматики». Последняя, четвертая, часть грамматики выходит в 1837 году⁵, но основы ее создаются именно в кассельские годы. Значение этого труда, ставшего и первой сравнительно-исторической грамматикой германских языков, и первым образцом исторической грамматики вообще, трудно переоценить. Неслучайно этот период в жизни Якоба Гримма часто называют также «грамматическим». Однако несмотря на интенсивность сугубо лингвистических занятий, ученый не от-

³ *Altdeutsche Wälder* herausgegeben durch die Brüder Grimm. I—III. Cassel — Frankfurt, 1813—1816.

⁴ *Deutsche Sagen*. Herausgegeben von den Brüdern Grimm. I—II. Berlin: In der Nicolaischen Buchhandlung, 1816—1818.

⁵ *Grimm J. Deutsche Grammatik*. I—IV. Göttingen: In der Dieterichschen Buchhandlung, 1819—1837.

казывается от привычного для него широкого взгляда на историю культуры в целом. В 1828 году выходит том «Древности германского права»⁶. Здесь Якоб Grimm объединяет свои юридические познания со взглядом историка культуры и филолога, демонстрируя и особенности работы с древними текстами (включая их языковое и речевое своеобразие: образность языка этих памятников, аллитерацию, формульный характер и символику), и возможность извлечения из этих источников самых разных сведений о жизни общества в прошлом. О поэтическом элементе в языке древнего права Grimm писал в одном из своих ранних исследований, теперь же он в развернутом виде продемонстрировал многомерный характер языкового высказывания, позволяющий рассматривать один и тот же текст в разных аспектах.

В 1830 году братья Grimm получают приглашение Гёттингенского университета, при этом библиотечарские обязанности за ними сохраняются наряду с профессорскими. В гёттингенские годы из печати выходит первое издание «Германской мифологии»⁷. Однако подготовкой к этому событию, по сути, была вся предшествующая деятельность: размышления о мифологии содержались уже в первых публикациях Якоба Grimma, корпус материала пополнялся, а методология совершенствовалась на протяжении многих лет. Время подвести итог пришло тогда, когда данные германских памятников уже были обработаны, если обозначить это в соответствии с современной семиотической классификацией, со структурно-формальной стороны, и ученый явно ощущал потребность дополнить этот строгий формальный анализ анализом семантическим и прагматическим, реконструируя не только грамматику, но и представления, а также и жизненный уклад предков. Таким образом, «Мифология» представляла собой своего рода предварительные итоги трудов Якоба Grimma. Рубежный характер эта публикация имела и для становления германистики как самостоятельной научной и учебной дисциплины: в сочетании с грамматикой она задавала определенные базовые параметры и стандарты работы в этой области.

Трудно сказать, как сложилась бы дальнейшая судьба Якоба Grimma, если бы не события за пределами науки, которые не могли оставить его безучастным. Братья не принимали активного участия в общественной жизни, однако и пренебрегать гражданскими обязанностями не считали возможным. Следует учитывать, что публичной политики в это время еще не существовало, а потому на творческой интеллигенции в некотором роде лежала, наряду с основной профессиональной, также и обязанность представлять общественное мнение. И об этой обязанности Grimma не забывали. И поэтому не было удивительным, что в конце 1837 года, как охарактеризовал случившееся сам Якоб Grimm, в его

⁶ *Grimm J. Deutsche Rechtsaltertümer. Göttingen: In der Dieterichschen Buchhandlung, 1828.*

⁷ *Grimm J. Deutsche Mythologie. Göttingen: In der Dieterichschen Buchhandlung, 1835.*

«тихий дом ударила молния». Семь университетских профессоров, включая братьев, заявили открытый протест против указа ганноверского короля Карла Августа, отменившего действие принятой в 1833 году конституции. Они были уволены, а Якоба еще и выслали за пределы королевства. Либеральная общественность была на стороне «гёттингенской семерки», как их тут же окрестили, по рукам ходили листовки с портретами ученых.

Гримм возвращается в Кассель и продолжает свои занятия уже как частное лицо («приватный ученый», как это тогда называлось). Немного погодя возвращается в Кассель и Вильгельм. Братьям в очередной раз предстоит определиться со своим жизненным путем. Как раз в это время и появляется идея создания словаря, который должен представить всё богатство немецкого языка. Академическая пауза в деятельности братьев Гримм продолжалась недолго. В 1840 году их принимают в Берлинскую академию, и они получают приглашение переехать в Берлин, где и проводят последний период своей жизни. Правда, нарастающая общественно-политическая активность всё же прерывала их размеренные занятия. В 1846 году во Франкфурте проходит первый съезд германистов, объединивший ученых разных специальностей (не только филологов, но также историков и правоведов), на котором Якоб Гримм выступает с речью «О достоинстве неточных наук». В разгар революции 1848 года Якоб Гримм был депутатом Франкфуртского национального собрания. Но основным занятием братьев стал «Немецкий словарь», первый том которого вышел в 1854 году⁸. В 1859 году ушел из жизни Вильгельм, а издание словаря было завершено лишь почти через сто лет после смерти Якоба Гримма, последовавшей в 1863 году.

Мифология: место и время

Любое высказывание сообщает нечто не только о предмете, которого оно касается, но и о персоне, которая это высказывание производит. Вернее было бы сказать: и о всем комплексе обстоятельств порождения этого высказывания, поскольку ни одна персона не существует в вакууме, а окружена целым комплексом контекстов, как речевых, так и ситуативных. Это общее положение вполне применимо и к истории науки, в данном случае — к пониманию истоков определенного научного текста, определенного коммуникативного события в области науки.

Появление «Германской мифологии» Якоба Гримма не было спонтанным событием ни с точки зрения творческой биографии автора, ни с точки зрения общего ситуативного контекста ее появления. Что касается личности автора, то

⁸ Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1854.

Якоб Гримм активно развивался как исследователь на протяжении практически всей своей жизни и не был догматиком. В то же время, сравнивая его публикации разных лет, нетрудно заметить некоторые силовые линии, по которым это развитие в значительной степени проходило. Что же касается ситуации, в которой Гримм действовал, то для нее предмет его занятий и связанная с ним проблематика были весьма характерны.

На рубеже XVIII—XIX столетий в Германии вспыхивает интерес к мифологии. Почти неожиданно оказывается, что погружение в мифы, верования, обряды имеет смысл и обещает открытия. Некоторые исследователи даже говорят о своего рода мифологической эпидемии в это время. Важно в любом случае, что до того подобная позиция совсем не представлялась очевидной. Перспектива рассмотрения человеческой истории вдруг словно опрокинулась и перевернулась. Именно тогда молодой Фридрих Шлегель (Karl Wilhelm Friedrich Schlegel, 1772—1829) объявил историка обернувшимся назад пророком. Но ведь в этом случае логическим продолжением будет: повернувшийся вперед историк оказывается пророком. Так романтики легким движением рассыпали конструкцию просветительского проекта, обнажив наступавший кризис первого шага к модернизации.

Слово «модернизация» появляется здесь совершенно не случайно. Одна из отличительных черт Нового времени в европейской истории — изменение понимания времени. Историческое движение становится не только линейным, а последовательность времен приобретает и ценностный характер. В европейские языки входит прилагательное *modern(e)*, которое служит своего рода семантическим якорем, определяющим неоднородность временной шкалы. Характерно, что вопрос о превосходстве нового над старым довольно рано перекинулся с науки и техники на область литературы и искусства, что проявилось, в частности, во французских дебатах о «древних» и «новых» (*Querelle des anciens et modernes*) в конце XVII века. Центром нового понимания истории оказывается понятие прогресса, столь важное для идеологии Просвещения.

Если прогресс становится доминантой рассмотрения истории культуры, причем понимается он просветителями чаще всего достаточно бесхитростно, как линейный поступательный процесс, то мифологии в такой исторической концепции, как и древнейшим культурным явлениям вообще, уготовано не слишком почетное место. Если оставить в стороне классическую мифологию как собрание забавных историй и персонажей, пригодных для сочинения поэзии, опер или создания живописных полотен, то развитие культуры и общества до их «современного» (модернизированного), «просвещенного» состояния делает мифологию, в сущности, ненужной. И если к мифологии всё же обращаются, то это сопровождается своего рода оправданием: ценность мифологии объясняется ее поэтическим характером (И. Г. Гердер), либо в ней усматриваются зачатки философии, «философемы» (как это делал юный Ф. В. Й. Шеллинг).

Однако и в том, и в другом случаях она оказывается под знаком «еще не», которого предварительного, несовершенного («детского») состояния развития творческих способностей.

Ситуация решительно меняется с появлением романтиков. Они были воспитанниками Просвещения, но воспитанниками-бунтарями. И бунтарями не просто отрицающими своих предшественников, а предлагающими новый подход с учетом пройденного. Одним из симптомов изменения стала рецензия Фридриха Шлегеля на книгу Ж. Кондорсе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (отклик на вышедшее посмертно в 1795 году сочинение был опубликован всего несколько месяцев спустя). Не отказываясь от идеи поступательного развития человечества, Шлегель в то же время подчеркивает, что прогресс, если и существует, то не как линейное поступательное движение, а как сложный процесс, в ходе которого возможны остановки и возвратные движения. Размышляя о Французской революции как противоречивом историческом явлении, Шлегель дает ей характеристику: «трагическая арабеска эпохи» (КА XVIII, 57), усматривая в такой причудливой конфигурации визуальное представление сложной драматургии истории.

Еще не отказываясь от понятия прогресса, Фридрих Шлегель определяет в 1798 году романтическую поэзию как «прогрессивную универсальную поэзию», хотя понятно, что «прогрессивность» уже понимается им в данном случае отлично от типичного просветительства. А в 1800 году в составе «Разговора о поэзии», опубликованного в последнем томе журнала «Атеней», появляется вдохновенный панегирик «Речь о мифологии» (*Rede über die Mythologie*), в котором он предвещает появление «новой мифологии» из «самых глубин духа». В утопическом видении отстаивается самоценность мифологии как особой формы проявления творческих сил человека, равно как и самоценность любой эпохи, любой культуры, любого языка. Кризис современности Фридрих Шлегель видит в распаде первоначальной цельности человеческого существа, его духовных сил, в драматическом отрыве человека от породившей его природы. Это утраченное единство он и видит в мифологии — и в древней, и в предвещаемой им новой. Признавая возможности рационального, аналитического познания, он тем не менее утверждает, что и физике явно не хватает мифологии, то есть цельной, очеловеченной картины мира.

Совсем еще молодой Якоб Гримм углубляется в мифологическую проблематику, когда романтики наметили уже достаточно широкий спектр возможных подходов к ее рассмотрению. Сначала он публикует в *Zeitung für Einsiedler* фон Арнима «Мысли: как соотносятся сказания с поэзией и историей» (*Gedanken: wie sich die Sagen zur Poesie und Geschichte verhalten*, 1808), затем в *Deutsches Museum* Фридриха Шлегеля более пространные «Мысли о мифе, эпосе и истории» (*Gedanken über Mythos, Epos und Geschichte*, 1813). Как и другие романтики, Якоб Гримм видит в мифе и родственных (производных) формах проявление глубинного творческого начала, в доисторических далях — источник «свежего и

животворящего духа»⁹. Истинность мифа не подлежит эмпирической проверке, а эпос как одна из его производных представляет собой сплав мифологической (высшей, божественной) и человеческой истин. Вместе с другими романтиками он не желает признавать упрощенное понимание прогресса, соотношения прошлого и настоящего. Показательно в этом отношении сделанное им в «Древностях германского права» замечание по поводу характерной для подобного упрощенного представления позиции И. К. Аделунга: «Кто может без возмущения читать, в каком виде представляет Аделунг древнейших немцев? Из всех отдельных пороков, упоминаемых историками, он создает общую картину, как если бы кто-нибудь пожелал из уголовной хроники современных газет сделать заключение о нашей испорченности в целом» (*Deutsche Rechtsaltertümer*, XV). Поэтому, по его мнению, ни взгляды людей прошлого, ни их образ жизни нельзя мерить нормами более позднего времени. Отказываясь от идеализации прошлого, Якоб Гримм при этом отвергает и попытки это прошлое принизить.

Дебаты о прогрессе и отношении «современного» человека к «древнему» в тот момент были не просто эмоциональны. Это было делом не только узкой ученой корпорации — эмоции выплескивались и в общественную жизнь, захватывая довольно широкий круг, как тогда говорили, образованной публики. Свидетельством тому может служить достаточно известное литературное произведение, которое, однако, чаще всего с развитием гуманитарной науки не соотносят, а напрасно. Речь о сатирической сказке-гротеске Эрнста Теодора Амадея Гофмана «Крошка Цахес, по прозванию Циннобер» (опубликована в 1819 году). Действие происходит в некотором «маленьком княжестве» (сразу угадывается немецкая реальность того времени), новый правитель которого решает «ввести просвещение», для чего предполагается «вырубить леса, сделать реку судоходной, развести картофель, улучшить сельские школы, насадить акации и тополя, научить юношество распевать на два голоса утренние и вечерние молитвы, проложить шоссейные дороги и привить оспу», а самое главное — изгнать из страны всех фей, потому что «они упражняются в опасном ремесле — чудесах — и не страшатся под именем поэзии разносить вредный яд, который делает людей неспособными к службе на благо просвещения» (пер. А. Морозова). Это не просто забавная фантастическая история, но и вполне злободневная карикатура на тот плоский вариант просветительства, который получил еще название «пруссского просвещения». Подобно другим романтикам, Гофман отстаивал более широкий взгляд на человеческую натуру, но делал это в своей литературной манере. Благодаря его мастерству отблеск дискуссии надолго пережил свое время, а актуальные на тот момент причины появления сказки оказались за пределами горизонта большей части позднейших читателей.

⁹ *Deutsche Sagen*. Herausgegeben von den Brüdern Grimm. Berlin: in der Nicolaischen Verlagsbuchhandlung. 1816. V.

История: дисциплина и метод

Событие, получившее наименование раннего немецкого романтизма, было очень коротким, но невероятно интенсивным явлением в истории культуры, своего рода культурной вспышкой с долгими последствиями. Всего несколько лет группа молодых людей, не обращая внимания на нормы и предписания, то ли всерьез, то ли играя, опираясь не столько на большую эрудицию (хотя невеждами они не были), сколько на интуицию, породили такое множество плодотворных идей, что исследователи до сих пор не могут прийти к согласию в трактовке происшедшего. Случай не единичный, и, как показывает история, находиться в состоянии интуитивного озарения обычно удается недолго. Романтикам предстояло как-то определиться в жизни общества, выбрать какой-либо определенный вид деятельности в условиях нарастающей профессионализации интеллектуальной деятельности.

В свое время В. М. Жирмунский, рассуждая о месте романтизма в истории культуры, верно заметил, что в определенный момент тем из романтиков, которые не хотели полностью уйти в литературу и искусство (как это было, например, с Ахимом фон Арнимом, который в юности занимался экспериментальным изучением электричества, однако затем совершенно погрузился в литературу, оставив науку другим), а желали реализовать познавательный момент романтического импульса (недаром же Фридрих Шлегель в «Речи о мифологии» обещал, что «все науки и все искусства охватит великая революция»), предстоял серьезный выбор. Перед ними было два пути: уйти в мистику либо заняться историческими исследованиями (в филологии, искусствоведении, общей истории). Решение этой дилеммы прекрасно иллюстрируют два брата: Фридрих и Август Вильгельм Шлегели. Фридрих после короткой интерлюдии санскритских штудий, проложившей дорогу целому ряду направлений в гуманитарных исследованиях в Германии, да и Европе в целом, уходит в религиозную мистику. Старший брат, Август Вильгельм (August Wilhelm von Schlegel, 1767—1845), с юных лет более привязанный к филологии, исследует историю языков и литератур и, подхватив начатое младшим, создает в Боннском университете сильную индологическую школу. Важно, что при этом ни тот, ни другой не считал, что отказался от своих романтических основ, — и оба были правы.

Что касается Якоба Гримма, то он начинает свою деятельность уже в тот момент, когда поднимается вторая волна романтического движения и поэтому с дилеммой выбора пути ему пришлось столкнуться сразу. Первые публикации Гримма приходятся на годы, когда немецкая общественность с интересом обращается к мифологии. Среди наиболее активных авторов того времени следует особо отметить филолога и литератора Иоганна Арнольда Канне (Johann Arnold Kanne, 1773—1824), одну из «малых» фигур немецкого романтизма, не слишком известного в более позднее время (а в России и почти неизвестного), но тогда

привлекшего к себе внимание и ставшего на время даже своего рода представителем поворота науки к мифологии. В 1808 году выходит из печати его двухтомный труд «Первые свидетельства истории, или Всеобщая мифология»¹⁰. Книга привлекла к себе немалое внимание, хотя и у специалистов, и не только у них как раз ее «всеобщий» охват вызывал либо сомнение, либо настороженность. Даже написавший к ней предисловие популярный тогда писатель Жан Пауль¹¹ при всей симпатии к автору сразу же оговаривается, что не берется судить об объективной значимости книги, ограничиваясь значимостью субъективной. Современный читатель несомненно оценит предусмотрительность писателя: всего несколько десятилетий спустя написанное Канне полностью исчезнет из научного обихода, а имя его если и будет упоминаться, то разве что как отрицательный пример.

И всё же не стоит просто отбрасывать сделанное Канне, если мы хотим разобраться в истории науки. Эта история представляет собой многофакторный процесс, так что даже если какая-то книга просто привлекла внимание к проблеме, то вычеркивать ее из истории было бы несправедливо. Разумеется, этимологии Канне сегодня в большинстве своем вызовут у кого улыбку, а у кого и ужас. Автор свободно перемешивает греческие слова с древнееврейскими, добавляя, так сказать, по вкусу германские, славянские, древнеперсидские и санскритские (без серьезного знания этих языков), а то и древнеегипетские, что особенно занятно, если учесть, что языком этим в тот момент в Европе не владел никто (что совершенно не мешало Канне рассуждать и об иероглифах, хотя сведения он брал из вторичных и ненадежных источников). Правда, Канне еще ранее заметил (первооткрывателем он не был, но всё же его позиция заслуживает признания) некоторые звуковые закономерности в отношениях германских языков к явно родственным — греческому и латинскому. Речь о согласных, которые в германских языках достаточно регулярно отличались от греческих и латинских. Однако Канне сам перечеркнул свое достижение, тут же допустив, что внутри отдельных групп согласных (зубные, нёбные, губные) допустима взаимозаменяемость. Кроме того, он, как и многие представители донаучной этимологии, допускал разнонаправленность и обратимость изменений, а также возможность добавления / опускания отдельных звуков¹².

¹⁰ *Kanne J. A. Erste Urkunden der Geschichte oder allgemeine Mythologie. Zwei Bände. Mit einer Vorrede von Jean Paul. Baireuth: bei Johann Andreas Lübecks Erben, 1808.*

¹¹ Жан Поль, Jean Paul — литературный псевдоним Иоганна Пауля Фридриха Рихтера, 1763—1825.

¹² Парадоксальным результатом этих известных допущений было то, что даже в случаях, когда Канне нащупывал верные этимологии, конечный результат был всё же отрицательным. Так, он обнаруживает родство санскритского *ved-* (откуда название «Веды») с обозначением знания / видения в греческом, латинском, германском и славянском, однако сам всё разрушает, заявляя, что начальное *v-* в данном случае лишь прибавление, а исходный корень имеет форму *adah/ad/od/ath/eth/ed* и означает «огонь», а соотносится он